

A close-up photograph of a man's torso. He is wearing a white, long-sleeved button-down shirt that is unbuttoned at the collar and partially down the front. His bare chest is visible on the right side of the frame. The lighting is warm and dramatic, highlighting the contours of his body. The background is a plain, light grey.

STELLA
GREY

ОБНАЖЕННОЕ
ПРОШЛОЕ
ТОЛЬКО ЖИВИ...

ИДДК

Стелла Грей

Обнаженное прошлое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48376610

Обнаженное прошлое:

Аннотация

Я стою у двери человека, который бросил меня с ребенком десять лет назад. Боль от предательства давно ушла, но на смену ей пришло другое горе. Моя дочь больна, но есть один шанс, которым я хочу воспользоваться.

И мне плевать, что думает об этом мой бывший.

Стелла Грей

Обнаженное прошлое

Все персонажи и описываемые события являются вымышленными.

Любое совпадение с реальными людьми или событиями, является случайностью.

Флакон со звоном слетел с полки и разлетелся на мелкие осколки.

Комната тут же наполнилась мускусно-древесным запахом с ноткой ванили.

Я вздохнула. Сразу стало горько и обидно. Любимые духи! Хоть и оставалось несколько капель, все равно жаль, вон как пахнет.

– Самойлова, ты меня слышишь?! – вернула в реальность Лариска своим бархатным контральто. – Я со стенкой разговариваю?

Я мотнула головой, чтобы отогнать подальше зарождающееся расстройство. Потом покосилась на телефон с включенной громкой связью и вздохнула.

– Слышу, Лар.

– Вот и слушай! – не унималась она. – Включись уже наконец-то! Мужчина в самом расцвете лет! Красивый, обеспеченный, работающий! Не испугался, что у тебя ребенок! Что тут думать-то?

Вот так всегда.

Лариска не успокоится, пока не выдаст меня замуж: зорко следит, чтобы я не пропускала свидания и добросовестно ходила с каждым, кто меня на них звал.

Выслушивая монолог подруги и коллеги на тему «У каждой женщины должен быть надежный мужчина», я быстро убрала осколки. При этом Лариска даже не заметила, что ей практически не отвечают.

– Аня, сама подумай, – продолжала она. – В наше время просто социальное бедствие: женщины, оставшиеся с детьми, и мужчины, которые этих детей принять не могут. А Эдик пригласил тебя на свидание со спокойной душой.

Я снова села за туалетный столик, продолжая наносить макияж. Самое страшное – стрелки. Идеально ровные и одинаковые они могут получиться, если ты владеешь твердой рукой и... искусством фотомонтажа.

Впрочем, если Эдика не устроит мой мейкап, я особо не расстроюсь.

Да, Лариска права целиком и полностью. Через два года мне исполнится тридцать, Дашке нужен отец, решать проблемы самой надоело... И вообще, я бы не отказалась просыпаться каждое утро с любимым мужем, а в конце рабочего дня снова засыпать у него под боком. Только вот...

При виде черноволосого смуглого Эдика с белозубой улыбкой внутри были покой и тишина, будто в безветренный день на озере. Я смотрела на него, оценивала мускулистое

тело, красивые карие глаза, хорошие манеры и... оставалась каменной.

– Мам! – Дашка нарисовалась в дверном проеме. – Можно я возьму те новые краски, которые мы вчера купили? Хочу потренироваться перед завтрашним уроком.

Пропал ребенок. Но мои губы невольно улыбаются, когда Даша с горящими глазами скачет в магазине для дизайнеров, хендмейдеров и прочих рукоделов, а потом, прижимая к груди очередное сокровище, готовится к новому уроку в художественной школе.

– Бери, – шепнула и улыбнулась я.

Дочь бросила быстрый взгляд на телефон, прислушалась:

– Тетя Лара? – спросила одними губами.

Я кивнула. Ребенок покачал головой, задрал нос и удалился в свою комнату. В этом вся Дашка. Она совершенно уверена, что нам вдвоем замечательно, а от мальчишек вообще одни проблемы (от мужчин тоже).

– Ладно, я в тебя верю, – сообщила Лара и тут же притихла. – Кто там у тебя?

– Даша зашла, – вздохнула я, расчесывая золотистые волнистые волосы.

Вот уж настоящее богатство, всегда гордилась своей гривой и буду гордиться. Волосы всегда прекрасно выглядят даже после душа и без укладки.

– Передавай привет мелкой, – хмыкнула Лариска. – И не обращай внимания на ее рожицы. В конце концов, она сама

повзрослеет и поймет, что мужик в доме – это благо. Все, давай держи меня в курсе, Джульетта!

Я несколько облегченно выдохнула, когда подруга отключилась. Переубедить Лариску нереально, а напоминать про два ее неудачных брака – опасно для жизни.

Быстро завершив макияж, я открыла шкаф и вытянула платье: песочное, со строгим силуэтом, эффектно подчеркивающим грудь и талию.

Пусть Эдик – не предел моих мечтаний, но он достоин того, чтобы смотреть на красивую женщину рядом. Меня несколько смущало, что он раздавал комплименты другим дамам с такой легкостью, словно вообще не напрягался. Дамский угодник? Вроде нет. Ловелас?

Застегнув молнию, я повертелась у зеркала и осталась довольна результатом.

Что ж, не стоит сразу подозревать Эдика во всех грехах. Любой мужик ошалевает, оказавшись в редакции женского журнала. Такой-то напор красоты...

Меня, правда, он выделил сразу. Хоть и не пойму почему.

Я подхватила сумочку и вышла из комнаты. Сейчас загляну к Дашке, велю не есть все конфеты вместо супа, который стоит на плите, и буду выходить.

Глянув на изящные наручные часики, я ахнула. Совсем заболталась! Опаздываю! Боже, как неудобно! Гнетущее чувство внутри, которое будто давило на сердце, почему-то становилось все сильнее. Может, не стоит идти? Позвонить

Эдику, наврать что-нибудь о недомогании? Мы еще не столь близко знакомы, чтобы он примчался помогать. А так... Заодно будет время обо всем подумать и разложить по полочкам.

Я трянула кудрями. Так, Самойлова, не позорься. Это всего лишь мужчина, он тебя не съест. Да и свидание у нас первое, так что даже не понадкусувает.

Грудь колесом, подбородок задрала и пошла!

Подходя к комнате Дашки, я услышала, как тихонько наигрывает этническая музыка. Надо же, совсем маленькая еще, а музыкальный вкус – как у меня в двадцать восемь.

Я открыла дверь и увидела на полу дочь, лежащую в странной позе.

С ног до головы обдало жаром, за горло схватили невидимые руки ужаса.

– Даша! – крикнула я и, оказавшись рядом с ней, рухнула на колени. – Даша, Дашенька!

...От запаха, царившего в больницах, у меня всегда болела голова. И вот сейчас, находясь в коридоре, который буквально слепил своей белизной, я кусала губы и бездумно смотрела в пол.

Не пустили. Дашка потеряла сознание, и у меня не получилось ее привести в чувство. Изначально паника захлестнула с головой, хотелось метаться по комнате и кричать. Но, слава богу, это лишь промелькнуло яркой картинкой перед внутренним взором, и я, вскочив на ноги, быстро вызвала

скорую помощь.

Сердце колотилось как бешеное. Дочка выглядела такой бледной, такой худенькой... Боже, не зря соседка говорила, что ей не хватает витаминов. Что в школе слишком большая нагрузка, а ребенок постоянно бегает в художку.

Я даже не заметила, что всю дорогу в душной кабине машины сидела, сжимая в руках плюшевого сиреневого слоника, которого Дашка как-то прицепила на мои ключи. Слоник у нее были везде, постоянно.

– Нет зверя полезнее, чем слон, – любила Дашка заявлять с такой важностью, что каждый раз я с трудом сдерживала улыбку. – В Индии, например, это священное животное.

– Женщина, вам плохо? – поинтересовался молодой высокий врач.

Я невольно вздрогнула, только что осознав, что мне положили руку на плечо. Сделала судорожный выдох. Да, мне плохо. Плохо. Там за дверью что-то делают с моей дочерью, но меня не пускают. Сказали свое стеклянное: «Подождите тут, не нервничайте».

Легко им!

– Нет... порядок, – заторможенно ответила я, глядя в обеспокоенные серые глаза. – Просто переживаю за дочь.

Врач быстро кинул взгляд на указанную мною палату, потом кивнул:

– Хорошо. Если почувствуете что-то не так – не сидите. Ребенку нужна здоровая мать.

Я не успела ничего ответить – его отозвали. Но слова за-
жгли огонек надежды и аккумулировали силы, которых еще
несколько секунд назад не было.

Загнав подальше беспокойство, я выпрямила спину и ма-
шинально откинула волосы назад. И именно в это время вы-
глянула медсестра и позвала:

– Анна Николаевна, зайдите, пожалуйста.

* * *

– И что же с Дашкой? – поинтересовалась Лариска, быстро
растыкивая бумаги по папкам.

– Пока диагностировали вегетососудистую дистонию, –
вдохнула я, вновь чувствуя, как внутри ворочается червя-
чок угрызений.

Отвратительная мать, не досмотрела, не смогла. Вечно по
уши в своей работе.

– Но будут ведь обследовать, верно? – уточнила подруга.

Папки с грохотом свалились со стола, Лариска чертыхну-
лась и принялась их собирать. Я присела рядом, помогая ей.

– Будут, – кивнула. – Сегодня должны сказать диагноз.

Вчерашний вечер хоть и заставил здорово понервничать,
но как-то вот так сложилось, что врачи сумели заверить ме-
ня в том, что все будет хорошо. Ну... во всяком случае, что
Дашке ничего не грозит.

Поэтому план созрел в мгновение ока: возьму справку, до-

говорюсь в школе, подам заявление, и на недельку махнем на море. Да, сейчас только начало мая, но все равно очень тепло и... Для здоровья полезен сам морской воздух, не обязательно же плавать постоянно. А потом еще летом съездим.

Приободрившись, я позвонила дочери. Минут десять поболтали, она заверила меня, что все в порядке и чувствует себя прекрасно.

От сердца отлегло, и остаток дня я проработала со спокойной душой. Лариска убежала раньше: очередное свидание с горячим кавалером. Я только покачала головой, мысленно прикидывая, каких вкусняшек куплю после того, как заеду в больницу. Дашка будет рада до ужаса. Вот возьму ее любимого белого шоколада и йогуртов.

Окрыленная и в прекрасном настроении, я закрыла офис и быстро спустилась на парковку. Красная «мазда» сиротливо стояла одна. Да уж, не зря звание трудоголика ко мне прилипло намертво, ничего не поделать. Зато мы с дочкой ни в чем себе не отказываем!

Насвистывая бодрый мотивчик, я села за руль.

Небо затянуло тучами. Вспомнились прогнозы синоптиков: последние три дня обещали дождь, но он словно играл с людьми, только пугал, и так пока ни капли на землю не проронил. Ничего, скоро будем на юге, там – даже если прольется вода с неба – не страшно. Дождь и море – это так же прекрасно, как солнце и море. Вот чистая правда!

В этот раз я забежала в холл и тут же оказалась возле стой-

ки регистратуры.

– Самойлова Дарья? – уточнили у меня.

– Да.

– Игорь Сергеевич вас ждет.

Вчерашний маршрут, знакомый кабинет. Меня попросили подождать немного. Я села с краешка на стул и задумчиво заскользила взглядом по окружающей обстановке. Дверь открылась, и появился врач... который интересовался вчера моим самочувствием. Удерживая в руках какие-то бумаги, он явно думал о чем-то своем, не очень радужном.

Как же я вчера была невнимательна: не сообразила, что вести нас с Дашкой будет именно он... Заметив меня, мужчина на мгновение замер, словно не ожидал увидеть, и тут же чуть нахмурился.

– Здравствуйте, Анна Николаевна.

– Добрый день, Игорь Сергеевич. Что скажете?

Он прошел на свое место, сел. Медленно отложил бумаги в сторону и посмотрел на меня. И сама не знаю почему, но по позвоночнику пробежал холодок. А еще стрелки белых часов, висевших на стене, вдруг стали тикать с оглушительной громкостью.

– Анна Николаевна... – начал он.

Я невольно вцепилась пальцами в сумочку, горло перехватило невидимым обручем.

– Боюсь, у вашей дочери лейкемия.

10 лет назад

– Аня, Аня! Сколько можно там сидеть? Уже начинается! – позвала меня Олька, на ходу глядя на себя в зеркало и быстро поправляя макияж.

Я так спешила на концерт, что забыла дома косметичку. В сумке оказался только печально завалившийся розовый блеск, который по недоразумению я купила в ларьке. Поэтому и тушь, и карандаш пришлось брать у Оли.

Ведь есть для кого! Она хочет понравиться Саше, а я – Антону. Понравиться еще больше. Так, чтобы не думали уже ни о ком.

Посмотрев на себя в зеркало, я пригладила юбку серебристо-синего мини-платья и в который раз подумала, что смогу затмить всех! Со сцены доносилась музыка. Трехдневный фестиваль «Ночные звезды» проводился каждый год, и в этот раз нам удалось выбраться всей группой. В школе я могла о таком только мечтать.

Голова кружилась. От музыки, свободы, одновременно сладковатой и горькой слабоалкоголки в фигурных бутылочках, продававшейся буквально на каждом шагу.

Уже восемнадцать. Уже все можно. К тому же я знаю свою меру, никогда не шагну за грань.

Олька утянула меня ближе к толпе, туда, где басы про-

никают в самое сердце и стоять на месте просто не получалось. Мы с ней уже всю пританцовывали, выкрикивая знакомые строки известных песен местных групп. Людей становилось все больше и больше. Приходилось продвигаться вперед, чтобы случайно не ударить кого-то локтем.

В голове шумело, адреналин наполнял каждую клеточку тела.

– Что вы тут делаете? – шепнули мне на ухо, и сильные руки обняли меня со спины.

Кровь вспыхнула, огненным вьюнком промчалась по венам, сердце сладко сжалось. Этот хрипловатый голос я бы узнала в любой толпе, отделив от миллионов других. А еще запах можжевельника. Антон пользуется каким-то парфюмом, в котором всегда чувствуется запах хвои.

– Музыку слушаем! – радостно взвизгнула Оля, тут же прижавшись к Саше.

Я ничего не ответила, не в силах отвести взгляда от синих глаз Антона. Вот пусть говорят, что не бывает синих глаз, но что они понимают, когда смотришь в глаза любимого человека и тонешь, забывая обо всем на свете?

У него мужественный подбородок, высокие скулы, прямой нос, бесконечно чувственные губы, черные как смоль ресницы. Волосы тоже черные, что делает его красоту экзотичной и притягательной.

Антон улыбнулся, склонился и прижался к моим губам. От его поцелуев перехватило дыхание, а от пальцев, вплет-

шихся в мои волосы, немного ослабели колени. Он всегда обнимает меня так сильно и крепко, что даже если возникает шальная мысль сбежать, то понимаешь: не выпустят, не дадут воли.

Он считает меня своей. Так прямо и говорит:

– Аня, ты только моя. А если кто решит иначе, познакомится с моим апперкотом.

И я ему верю. Антон занимается в спортивной секции. Каждый раз, когда он снимает футболку, я, затаив дыхание, люблюсь его роскошной фигурой.

И сейчас тоже, отвечая на поцелуй, положила руки на плечи, скользнула ладонями по спине, ощущая горячую кожу сквозь тонкую ткань майки.

– Ой, ну все! – подначил рядом Сашка. – Может, прямо здесь начнете?

– Пошли, – шепнул Антон, не дав мне возразить и, крепко взяв за руку, вывел из толпы.

– Куда мы идем? – спросила я уже после того, как мы изрядно удалились от сцены к берегу.

Здесь было тихо и безлюдно. Только накатывали мелкие волны на влажный песок.

Я сама не поняла, как оказалась прижата к стволу ивы и длинные ветви скрыли нас от посторонних глаз.

Поцелуи Антона сводили с ума, я не могла надышаться его разгоряченной кожей, дурманящим можжевельником и совсем чуть-чуть – табаком. Антон начал курить совсем недав-

но.

– Что... мы? – хрипло выдохнула я, глядя на него затуманенными от страсти глазами и видя, что его тоже повело от желания.

Молния моего платья тихо вжикнула, серебристо-синяя ткань упала к ногам.

– Ох, здесь? – только и смогла произнести я, чувствуя, что сердце колотится, как бешеное.

– Аня, ты хочешь? – Его ладонь накрыла мою грудь, с губ едва не сорвался стон.

Пусть это не так, как всегда представлялось в мечтах. Пусть рвет все шаблоны о приличии и границах.

– Да, – еле слышно выдохнула я. – Хочу. Сейчас.

В синих глазах Антона сверкнула молния. Меня бросило в жар.

– Моя, только моя, – обжег он мои губы, прижимаясь в неистовом поцелуе.

Его руки скользили по моему телу, находя самые чувствительные местечки, и ласкали так умело, что по всему телу шла дрожь предвкушения.

А когда он подхватил меня под бедра, то и вовсе ахнула и сдавленно застонала, чувствуя сильное мужское тело.

– Будешь только моей, Аня, – шепнул Антон, прихватывая губами мочку моего уха. – Никому и никогда тебя не отдам. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя... ах, люблю, – выдохнула я, теряясь под на-

пором его ласк и подаваясь вперед, чтобы чувствовать, как плавится кожа на коже, как горят губы от шальных поцелуев, а тело содрогается от удовольствия при каждом проникновении.

– Люблю, люблю... – повторял он, словно сумасшедший.

Мои ногти впивались в его плечи, наутро обязательно останутся царапины. Но сейчас это неважно. Я вздрогнула от накрывшего чувства эйфории, на мгновение потеряла способность дышать и существовать.

Звезды вдруг оказались невероятно близко, а на душе стало жарко и сладко.

Я тоже тебя люблю. И буду только твоей.

* * *

Пошатываясь, я вышла из туалета. Слабость охватила все тело, во рту еще стоял привкус желчи и сырой воды.

– Ох, Ань... – Оля всплеснула руками, подлетела ко мне и тут же подхватила под локоть. – Пошли, пошли!

Я могла только передвигать ноги и медленно идти следом за подругой. Хорошо, что выходные: в общежитии мало народу, никто лишний раз не будет задавать вопросы.

– Ань, осторожнее, – сказала тихо Олька и ловко впихнула меня в нашу комнатку.

Добравшись до кровати, я шумно выдохнула и провела ладонью по взмокшему лбу. Так, главное, без паники. У всех

это бывает. Ну или почти у всех. В этом нет ничего такого страшного. Да, будет тяжело, придется, наверно, взять академический отпуск. Но Антон... господи, мы же поругались два месяца назад!

И все это время демонстративно ходили по универу и делали вид, что друг друга не знаем. Он все пытался зажимать Аленку Шпалу из параллельной группы, но я потом от Сашки все равно узнала, что ничем хорошим у них не кончилось.

– Ты отравилась, что ли? – поинтересовалась подруга, присев рядом. – Вся белая как мел, что такое?

– Нет, Оль, – покачала я головой. – Это не отравление. Я... – Пришлось сглотнуть и набрать воздуха в грудь. – Я...

Глаза Ольки округлились, она тут же прижала руки к щекам.

– Ой, Анька, ты что... беременна?

Горло перехватило, я смогла только кивнуть. Не зря была задержка. И по утрам вот еда не лезет в горло – сразу бегу к унитазу. И вдруг проснулось желание есть оливки, которые никогда не любила.

Оля вскочила с кровати и заметалась по комнате. Но потом, заметив мой стеклянный взгляд, взяла себя в руки.

– Так, спокойно. Сейчас звоним Антону. Говоришь с ним. Надо помириться. Ребенок – это серьезно.

– Да, – немного заторможенно ответила я и взяла мобильный.

Жалко, что денег совсем мало. Однако я дозвонюсь. Пото-

му что Оля права. Больше чем права. И ребенок – это очень серьезно.

Прошел час, второй. Абонент не может принять вызов.

Я хотела уже было написать на почту, но вдруг вспомнила, что он меняет адреса один за другим. А значит, лучше поговорить с глазу на глаз.

Время тянулось, будто резиновое, пока я собиралась. В голове царил сумбур. Одевшись и накрасившись, я выпила успокоительного. Посмотрела на себя в зеркало. Беременность сейчас не видна. Я красивая. Мы поговорим. Он все поймет, и... сможем помириться.

– Я с тобой иду, – заявила Олька. – Вдруг грохнешься еще там обморок от счастья.

– Только не пугай их, – чуть улыбнулась я.

– Кого? – фыркнула она. – Эту змею, его мамочку?

Я вздохнула. Зинаида Александровна и правда родилась в год змеи. А еще по характеру недалеко от нее ушла. Каждый раз, когда я замечала, что на меня смотрит эта женщина, становилось не по себе.

Один раз даже стала свидетелем, как она выговаривала Антону, думая, что я не слышу:

– И на что тебе эта голодранка? Ты только посмотри на нее. Да, личико хорошенькое. Но для крепкого брака одного личика недостаточно.

Тогда они с матерью даже повздорили, а мне было до слез обидно. Я даже прокусила до крови губу, но ничего не ска-

зала – сдержалась.

На улице было жарко, даже не смотря на то, что уже пришел вечер.

Оля шла рядом и зорко следила за мной, готовая в любую минуту поддержать. Но, стоило нам оказаться возле дома Антона, как сердце тут же заныло. Так, спокойно, вдох-выдох. Не надо думать о том, что тенью висит нехорошее предчувствие. У меня все получится.

– Я тут подожду, – тихо сказала Оля. – Если что – кричи.

– Меня там не обидят, – произнесла я, немного удивленная ее словами. – Все получится.

Я поднялась по ступенькам и вошла в прохладный подъезд. Вот он, третий этаж. Чуть посторонилась, пропуская вежливую старушку с пуделем – соседку из квартиры напротив Антоновой.

Подойдя к знакомой до боли двери, я на мгновение замерла, прежде чем нажать кнопку звонка. Дышать стало сложнее, от волнения перехватило горло. Я сделала шумный выдох и нажала на кнопку звонка. Тут же раздалась соловьиная трель. Раздались шаги в коридоре. Нет, не Антон...

Дверь открылась, на пороге показалась Зинаида Александровна, даже в домашнем халате выглядящая так, будто собралась на прием к важным гостям. И кожа свежая, явно только что маску смыла. А взгляд такой, что хочется отшатнуться.

– Внезапно, – заявила она, даже не подумав поздоровать-

ся. – Что тебе понадобилось?

Вот так с порога, без лишних расшаркиваний.

– Здравствуйте, Зинаида Александровна, – сказала я, стиснув зубы. – Могу я поговорить с Антоном?

Она смерила меня презрительным взглядом, будто окатила ведром ледяной воды.

– Нельзя. Антон уехал в Германию делать предложение своей невесте, – с явным удовольствием произнесла Зинаида Александровна. – Возвращаться не будет. Не ищи его.

– Но... – начала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Как же... а адрес...

– Не дам я его адреса, незачем, – хмуро ответила она. – Послушай доброго совета: забудь о нем и найди себе кого-то уже по своему достатку. Не заглядывайся на богатых женихов – и не придется так больно падать.

Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Пришлось опереться на стену, чтобы немного уложить услышанную информацию в голове.

Антон уехал к невесте...

Спустя секунду перед глазами все качнулось, и я потеряла сознание.

* * *

Доктор Игорь Сергеевич давно остался во вчерашнем дне. Как и огромные голубые глаза Дашки, которая спрашивала:

– Мам, ты чего? Вон телефон уронила и даже не обратила внимания. Что с тобой? Я уже лучше себя чувствую, не надо так бояться.

А я смотрела на нее, молча кусала нижнюю губу, совершенно не чувствуя боли, и понимала, что не могу ничего сказать.

В голове было пусто, будто на заброшенном берегу реки. Я мельком заметила свое отражение в зеркале: женщина-привидение. Слишком белые губы, слишком темные круги под глазами, слишком глубокий ужас в глазах, которые вдруг превратились в бездонные колодцы. И смотреть страшно, и отойти нельзя.

– Даш... – произнесла я не своим голосом, чувствуя, что горло словно сдавило стальной рукой. – Котенок, как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше, – заверила она и еще посмотрела по сторонам, будто с моим появлением ожидала увидеть что-то другое. – Только я домой хочу.

Я невольно сжала платок, который держала в руках. Кажется, еще чуть-чуть – и ткань попросту вопьется в кожу, которая лопнет от напряжения.

Во рту почему-то стало солено, будто появилась кровь. Я сделала глубокий вдох, приказывая себе успокоиться. Нельзя, просто нельзя показывать, что ты нервничаешь и переживаешь. Тогда ребенок тоже будет сам не свой. А Дашке волноваться нельзя. Совсем нельзя, иначе...

Что именно иначе – я просто не знала. Кажется, такое случилось первый раз в жизни, когда я стояла возле дверей квартиры Антона Данишевского. А потом перед глазами потемнело. Я тогда потеряла сознание, но пришла в себя почти сразу же, потому что, падая, стукнулась о стену. Боль тут же привела в себя.

И сейчас... сейчас было точно так же. Только пока не было той боли, которая бы могла привести в себя.

– Даш, доктор сказал, что тебе надо побыть тут какое-то время. Кое-что обследуют, посмотрят на самочувствие. И только тогда смогут отпустить.

Я прекрасно понимала, что вру собственной дочери, но ничего не могла поделать. В голове совершенно не укладывался пазл, как и что сказать ребенку. Язык не поворачивался озвучить диагноз. И я знала, что буду говорить разное... что угодно, лишь бы не страшную правду, которую пока даже сама осознать не в состоянии.

Дашка нахмурилась, задумчиво посмотрела на меня. Маленький и уже совершенно самостоятельный человек, который умеет анализировать и делать выводы.

– А надолго? – деловито спросила она, отбросив в сторону даже намек на истерику. – Потому что у меня контрольная по математике на следующей неделе, Екатерина Васильевна сказала всем основательно подготовиться. А мне пятерка нужна.

Я с трудом сглотнула образовавшийся в горле комок. Кто

бы мог подумать, что говорить правду окажется так сложно. Зато ложь будет сама слетать с губ, словно цветочные лепестки.

– Посмотрим, Даш. Я ей напишу, ты не переживай.

– Переживать? – чуть нахмурилась дочь. – Мам... а как же я тут? Останусь?

Я сразу испугалась, что ей не хочется оставаться одной. Да и мне не хотелось оставлять, но... Надо сейчас домой, собрать вещи, потом купить лекарства, потом... Ох, мамочки.

– Останешься. Но недолго, обещаю.

Эти слова звенели у меня в голове, когда я вышла из машины.

С неба срывался дождь. Было очень зябко и прохладно. Я обхватила себя руками и медленно направилась в сторону остановки. Сегодня я примчалась в больницу на такси, машина сейчас в ремонте.

Игорь Сергеевич сказал, что нужна пересадка костного мозга. Взяли клетки моего, но анализы... К сожалению, мгновенно результат не узнать. Поэтому нужно ждать. Только ждать.

Я боялась думать о том, что может быть, если мое Дашке не подойдет. Ни братьев, ни сестер у нее нет. Да и вряд ли когда-то будут...

Сердце кольнуло, я остановилась под прозрачным навесом, ожидая маршрутку.

Так, только не паниковать. Все будет хорошо. Обязатель-

но будет!

Успев замерзнуть, я плюнула на маршрутку, которая потерялась где-то на просторах города, нарушая график прибытия, и спустилась в метро. Отсюда дольше добираться, но ничего страшного, зато не так холодно.

Спускаясь на эскалаторе, я скользила бездумным взглядом по рекламным щитам. В какой-то момент мелькнула надпись: «Новая искрометная комедия Антона Данишевского “Люблю до смерти!”». В главных ролях звезды отечественного кино: Вероника Белая, Евгения Андреева, Кирилл Форшмаков. Спонсоры...»

Дальше перечислялось, кто отдал деньги на фильм, чем там замечательна эта постановка и еще какая-то ерунда. Но я не могла поверить прочитанному.

Сердце пропускало удары и билось, будто только совсем недавно научилось это делать. Не может быть... Скорее всего, просто однофамильцы. Но совпадение такое...

Зайдя в нужный вагон, я все еще думала про афишу. Захотелось даже достать смартфон и поискать Антона Данишевского, чтобы убедиться, что режиссер этого фильма ни капли не похож на того Антона, из моей юности.

– Девушка, садитесь, – сказал мне импозантный мужчина с пронзительными янтарными глазами. – Вы еле на ногах стоите.

Я слабо улыбнулась:

– Благодарю.

Села на освободившееся место, подняла голову и поняла, что напротив висит афиша комедии режиссера Данишевского.

Поначалу не знала, куда деть глаза. Казалось, что смотреть на этот кусок бумаги, как ненормальная, просто незаконно. Того и гляди люди начнут коситься и крутить пальцем у виска.

Сама не знаю, что я хотела там увидеть. Имена актеров мне ничего не говорили. Вроде бы кого-то и видела, но настолько вскользь, что даже отпечатка в мозгу не осталось.

Украдкой взглянув на тех, кто находился рядом, я поняла, что мои страхи беспочвенны. Это всего лишь воспоминания о прошлом, щедро сдобренные стрессом. Кто читал, кто-то уткнулся в телефон, кто-то тихо переговаривался. Иногда только можно почувствовать, что мужчина с янтарными глазами заинтересованно поглядывает в мою сторону. Однако в моем состоянии было совсем не до него.

Я закусила губу, перед глазами пронеслись сцены из прошлого. Настолько далекого, что никогда бы не подумала, что могу это вспомнить. В шуме метро, холодноватом свете с потолка и тьме самых разнообразных запахов я видела парня, в которого была влюблена много лет назад.

Я прекрасно знала, что если провести ладонью по его крепкому плечу, то внутри разольется жар. Если склониться и вдохнуть его запах, то почувствую гель после бритья, парфюм и ментол. А если вдруг поднять голову, то можно про-

сто утонуть в бездонно-синих глазах, которые могли соперничать с небом.

Сделав рваный выдох, поняла, что моя станция следующая. Поднялась, возле самых дверей неловко покачнулась. Меня подхватили под локоть. От прикосновения сильной руки я почувствовала, как волна смущения жаром прошла по телу.

– Осторожнее!

– Спасибо, – пробормотала я, не поднимая глаз, и тут же вышла.

Никаких мужчин сейчас. Мне не до отношений. А то, что есть ощущение, что мне продолжили смотреть в спину, так это ничего страшного. Совсем ничего.

Зазвонил телефон, я глянула на экран. Эдик... Боже, я совершенно о нем забыла. Надо взять трубку и что-то сказать. Но внутри словно появился барьер, который не пускал никого в душу. Сейчас там было место только для Даши. Больше туда никто не поместится.

Тут же забрезжила мысль, что на самом деле может быть еще один человек, который нужен, но я тут же ее прогнала.

Эдик отключился, и я с облегчением выдохнула. Лучше из дома уже напишу. Когда выпью успокоительное и немного приду в себя.

Спустя час я так и сделала, только вот все равно чувствовала вину. Будто обманываю человека. Эдик поговорил со мной, предложил помощь, но я отказалась. Мои клетки по-

дойдут Даше. Обязательно подойдут. А там уже все решится. Если же нет...

На глаза сами навернулись слезы. Я поняла, что еще немного – и разревусь, как маленькая девочка, которая осталась совершенно одна на всем земном шаре.

Метнувшись в ванную, я умылась холодной водой и еще выпила успокоительное. Сейчас – спать. А завтра сообщат результаты. И будет все хорошо.

Утро началось с переписки с Дашкой. Она явно скучала и хотела домой.

– Дорогая моя, веди себя хорошо, – попыталась я включить строгую маму, правда, улыбка то и дело появлялась на губах. – И тогда нас обязательно отпустят раньше, чем обещали.

– Мне не нравится медсестра, – заявило мое чадо. – Она какая-то злая. А вот Игорь Сергеевич добрый, улыбается. И еще похвалил моих нарисованных слонов.

Я тихо вздохнула. Слонов, да. Даша, пожалуйста, продолжай думать о них, но только не задавай вопрос: «Мамочка, а что у меня за болезнь?» Я этого боялась до ужаса, хотя прекрасно понимала, что через какое-то время он прозвучит.

Потому после переписки с дочерью я прислонилась к стене, прикрыв глаза. Телефон прижала к груди, будто это могло заглушить бешеный стук сердца. С каждым часом казалось, что я приближаюсь к безбрежной пропасти, в которую если упасть, то больше никогда не выберешься.

Потом глянула на часы и в ужасе начала кидать вещи, собираясь на работу.

Завтрак был забыт, обед тоже пошел наперекосяк. Хорошо, что Лариска вовремя ухватила меня за шкурку и утянула в ближайшее кафе.

– Так, – хмуро сообщила она. – Ешь давай. Ишь чего удумала. Чтобы голова соображала, надо кидать в желудок пищу. На тебя и так больно смотреть, так ты еще голодом себя решила заморить.

Я послушно поела, но еда казалась безвкусным картоном. Время тянулось, будто резиновое. Горло словно перехватили стальными пальцами. Я приказывала себе успокоиться, но ничего не выходило.

– Давай я поеду с тобой? – вдруг предложила Лариска. – Все равно сегодня не хочу ничего делать, Дашульку проведем вместе.

– Хорошо, – слабо улыбнулась я, искренне благодарная за поддержку. – Спасибо.

Только вот чем больше мы приближались к больнице, тем тревожнее было на душе. Будто интуиция сошла с ума и безостановочно посылала сигналы, от которых хотелось выть, словно волчица, потерявшая волчонка.

– Добрый вечер, – сказала я, увидев Игоря Сергеевича. – Как...

И прочла ответ в его глазах. В ушах тут же зашумела кровь, а воздух отказался проникать в легкие.

Пусть он еще ничего не сказал, но приговор был и так ясен.

– Ваши клетки не подходят, Анна Николаевна, – наконец-то вымолвил он. – Нам нужен другой донор.

В первые секунды я не поняла, о чем речь. Сказанное будто ударилось о стеклянную стену, которая последнее время окружала меня со всех сторон. И со слухом все в порядке, но эмоции тормозят и просто не успевают.

Слишком много всего.

Я мотнула головой.

– Как не подходят? – спросила хриплым, словно не своим голосом.

Казалось бы, простое уточнение. Попытка понять, как такое может быть. Даша – моя дочь. Моя! Плоть от плоти, кровь от крови! Как может что-то не подойти?

Горло перехватило, дышать почему-то стало трудно.

– Анна Николаевна, так бывает, – тихо сказал врач. – Понимаете, случается, что...

Он пустился в объяснения, но сейчас мне было сложно воспринимать какую-то информацию. Слишком сложно и непонятно.

В серых глазах Игоря Сергеевича сочувствие. Где-то на краю сознания у меня мелькнула странная мысль: «Он действительно проникся моей бедой...» И в то же время я прекрасно понимаю: он – медик. Его работа лечить людей. Видеть смерть. И чувствовать боль, которая бешеной волной

сшибает с ног, проникает в легкие и не дает спокойно дышать. Боль тех, кто никак не может помочь своим близким, но готов отдать за них жизнь.

Я сморгнула застлавшие глаза слезы. Вмиг стало как-то душно.

– Анна Николаевна, – снова прозвучал его голос, но я только и смогла, что вытереть слезы.

Игорь Сергеевич встал и через некоторое время поставил передо мной стакан с водой.

– Пейте, – сказал он не терпящим возражений тоном.

Я автоматически взяла стакан и осушила чуть ли не залпом. Рот вдруг обожгло, я закашлялась. Игорь Сергеевич подошел и осторожно постучал меня по спине.

– Что там было? – спросила я, снова утирая слезы.

– Несколько капель успокоительного, ничего дурного, – хмуро сказал он. – Простите, не успел предупредить, что не надо быстро все опрокидывать в себя.

Я шумно выдохнула через нос, глянула на свои руки и спросила, просто потому, что иначе не могла:

– И что теперь делать?

Я понимала, что ответа не будет. Что теперь с проблемой нужно бороться самостоятельно, но слабость взяла свое. Нелегко всегда быть стальной леди, когда идет речь о твоём собственном ребенке.

Но Игорь Сергеевич вдруг взял стул и сел напротив меня.

– Анна Николаевна, посмотрите на меня, пожалуйста.

От тона, которым он это сказал, я почему-то вздрогнула, собрала волю в кулак и взглянула на врача.

– Да?

– Не стоит опускать руки, – произнес Игорь Сергеевич. – Конечно, плохо, что ваши клетки не подошли, это осложняет ситуацию, но тем не менее не губит ее. У Даши есть родственники? Братья, сестры? В конце концов, отец?

Последнее слово заставило меня нахмуриться. Вот уж о ком не хотелось бы вспоминать, так о нем. Никогда.

Я закусила нижнюю губу. Да так, что боль привела в чувство.

– У нее нет братьев и сестер, – глухо сказала я.

В голове робко забрезжила мысль, что, может, есть контакты троюродного брата по материнской линии. Правда, мы давно не общались... очень давно.

Но сейчас и правда не время расклеиваться.

– Мы будем смотреть и у себя. Но, Анна Николаевна, с родственниками вариант намного вероятнее. Я не могу что-то гарантировать, хотя, сами понимаете, хочу. Очень хочу.

Из кабинета врача я выходила со звенящей головой и пустым взглядом. Зашла проведать Дашу. Пробыла у дочки недолго и все время сдерживала подступающие слезы. Лариска пошла со мной. Она то и дело бросала на меня взгляды с опаской, но ничего не говорила.

– Тетя Лара, смотрите, что я нарисовала, – теме временем заливалась хрустальным колокольчиком Даша. – Вот тут ко-

ты, целое семейство. А тут – сказочный город. Это нам Ирина Витальевна дала задание нарисовать, Олька и Танька обзавидуются. Они так замок никогда не нарисуют!

Я слушала, улыбалась и кивала. Лариска болтала с дочкой, а у меня внутри все будто заледенело. Только если раньше ледяное стекло было вокруг меня, то теперь появилось и внутри. Заменяло сердце и заморозило все внутренности. И только и оставалось, что улыбаться.

Даша не должна нервничать.

– Ну, мы пойдем, – сказала Лариска, избавив меня от надобности принимать решение самой.

Я обняла дочь, поцеловала ее, мимоходом вдохнув сладкий цветочный запах, исходивший от волос. Горло снова сдавило.

Когда мы шли по коридорам, я старалась смотреть прямо, уговаривая себя еще чуть-чуть пройти, еще совсем немного продержаться.

И только когда мы оказались на улице, все же не выдержала и разрыдалась. Лариса сразу ошалела, замерла на месте. А потом кинулась ко мне и сгребла в охапку.

– Ань, ты чего? Аня!

Вразумительно ответить не получилось, некоторое время слезы просто лились потоком.

– Что он тебе сказал, а? – не успокаивалась подруга, утаскивая меня на ближайшую лавочку, находящуюся за высокими пихтами, которыми засадили дворик возле больницы. –

Все плохо?

– Плохо, – всхлипнула я. – Очень плохо...

И принялась рассказывать, сама сбиваясь и путаясь в фактах.

Лариса слушала молча, чем вызвала мою искреннюю благодарность. Потом открыла сумочка и протянула мне бумажные платки.

– Так, выговориться тебе надо было, – твердо сказала она. – Но вот расклеиваться не вздумай. Ты сейчас нужна Дашке как никогда. Никого другого у тебя нет. Потому будем сами кумекать. Анька, давай-ка будем разыскивать этого твоего родственника. Главное – не сдаваться.

Домой я пришла вся разбитая и с больной головой. Лариса здорово поддержала меня, но нельзя было сваливать все проблемы на нее. Нужно самой.

Я быстро разделась и пошла в душ. Холодная вода немного помогла прийти в себя. Не зря закаляюсь уже полгода.

Удручало, что ни к кому из родственников дозвониться не получилось: в ухо летели длинные унылые гудки. Немного радовало – не сообщали, что абонент не обслуживается. Значит, у меня есть шанс.

Немного воспрянув духом, я замоталась в полотенце и направилась на кухню. Желудок возвещал, что его пора кормить. Сделав на скорую руку яичницу с сыром, я поужинала. Намного легче не стало, но хоть что-то.

Снова взяла телефон и набрала номер далекого брата.

Гудки... Снова гудки...

Вздохнув, молча уставилась на экран. Нет, у меня все получится. Обязательно.

Палец бездумно ткнул в иконку браузера, и тут же открылось окошко интернета. Мне сообщали о каком-то празднике цветастым дудлом. Внизу выстроился список новостей: «Бузова ошарашила поклонников», «Галкин женился на молодой», «Данишевский попал в грандиозный скандал».

Я уже было пролистнула всю эту ерунду, как вдруг дошло: Данишевский. Это... Антон?

Закусив губу, отыскивала нужную заметку. Так, где же она? Ага, вот!

«Известный режиссер Антон Данишевский поставил новую искрометную комедию “Люблю до смерти!”, которая начинается самым обычным скандалом в офисе. Главной героине приходится вытерпеть домогательства похотливого начальника и сбежать через окно. Назад она вернуться не может, и тут знакомится с харизматичным мужчиной...»

Я быстро прокрутила рассказ про сюжет, который мне был не нужен. И замерла, рассматривая фотографию.

Сердце пропустило удар. Тишина в квартире почему-то стала оглушающей. Даже звуки с улицы не доносились, хотя каждый вечер во двор высыпала детвора, которая шумела и галдела со всех сторон.

Антон Данишевский... Мой Антон, который десять лет назад сам отрекся от меня, бросив в одиночестве. Даже не

попытался что-то объяснить. Просто исчез, оставив своим вещателем любимую мамочку.

Где-то внутри всколыхнулась обида, старая и горькая. Как ты мог... Я же тебя любила. Ты был первым моим мужчиной, первой любовью.

Я не хотела признаваться себе самой, но, вероятно, уже никого и никогда не буду любить так, как этого мерзавца. А он даже не изменился: не отрастил пивное брюшко, не осунулся, не полысел. Все так же полыхают синим пламенем глаза и улыбка вызывает дрожь. А еще возле него стоит какая-то роскошная баба с декольте. И улыбается так, мол, смотрите, сучки, это мой мужчина. Даже не смейте приближаться к нему!

Внутри вдруг все вспыхнуло от гнева. Ненавижу тебя, Данишевский... ненавижу!

Я с силой отшвырнула телефон, уронила голову на руки и заплакала.

...Плакать мне на следующий день пришлось не один раз. Каждая попытка дозвониться к родственникам становилась все нереальнее. Нервы натянулись, словно струны, вся работа пошла под откос. Даже начальница, увидев меня, только покачала головой и сказала идти домой.

Я сразу попыталась возразить, но потом поняла, что сегодня ни на что не способна. Поймав озабоченный взгляд Ларисы, только покачала головой, подхватила сумочку и, попрощавшись с девочками, выскочила из офиса.

Врач пока ничем не мог порадовать. И пусть он вроде бы говорил как обычно, но показалось, что даже в его дыхании слышен приговор. Даже не знаю, сколько раз со вчерашнего вечера я вбивала в поисковик «Антон Данишевский». И уже знала, сколько фильмов он снял, с кем встречался и с кем ссорился.

Я понимала, что это не выход. Но, кажется, иного пути просто не было. Потому села за руль своей машины и отправилась в центр города. Туда, где ходила сотни раз. Туда, где знала, как падает солнце на окна и что видно, если смотреть с детской площадки. Туда, куда поклялась не приходиться никогда.

Он мог давно оттуда уехать. И скорее всего, так и было. Но я не могла сидеть сложа руки. Если есть даже крохотный шанс спасти Дашу – я это сделаю.

Дышать становилось с каждым разом все труднее. Вроде не так душно, и окно открыто, а голова идет кругом. Давление, что ли, подскочило?

Я остановилась и глянула на окно Антона. Горит свет – кто-то есть дома. Закусила губу и сделала рваный выдох. Соберись, Анна, тебе предстоит серьезный разговор.

Сжав виски пальцами, я попыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Все получится. Иначе и быть не может. Все, пошла!

Я вышла из машины, автоматически поставила на сигнализацию. Шмыгнула в подъезд вместе с каким-то подрост-

ком.

Нервы давали о себе знать. Меня шатало, будто пьяную, хотя я уже забыла, когда пила алкоголь. Пришлось даже опереться рукой о стену в какой-то момент, потому что голова шла кругом, а грудь будто сдавливали тисками.

Поднявшись на нужный этаж, я шагнула к знакомой до боли двери. Постояла, немного собираясь с духом, и нажала на звонок.

В последний момент пришло странное осознание, что тут живут другие люди. И сейчас откроет или полная дама, держащая за руку ребенка, или старушка, или прыщавый юнец. Кто угодно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.